

Чтобы сказать еще одно слово о здешней зиме, — я должен признаться, что я нашел ее не столь ужасно жестокой, как ее всегда представляют себе в Германии, — если исключить 30-е и 31-е января ст. стилиа, когда, правда, была такая чудовищная стужа, какой я в Германии еще никогда не испытывал. Вообще к этой части России, в которой я теперь живу, чрезвычайно несправедливы, когда заявляют, будто она пребывает под вечным льдом. Напротив, она имеет перед другими странами, в отношении некоторых произрастаний такие преимущества, которые достаточно свидетельствуют о мягкости ее климата.

По поводу письма Кельнера замечу, что ответ «бригадира», т. е. Сумарокова, Готтшеду по вопросу о русском шрифте нам не известен.³³ Весьма показательно сообщение Кельнера о Ломоносове. Он настолько крепко связан с группой Миллера—Сумарокова, что последнего он прямо называет бригадиром, полагая, что его корреспонденту ясно, о ком идет речь, — а Ломоносова он даже фамилию пишет неправильно. Тем не менее он выделяет оду Ломоносова Елизавете Петровне «На пресветлый и торжественный праздник рождения ея величества и для всерадостного рождения государыни великой княжны Анны Петровны», поднесенную «от императорской Академии наук декабря 18 дня 1757 года в Санктпетербурге» (дочь Екатерины II Анна родилась 9 декабря 1757 года и умерла 8 марта 1759 года). Дело в том, что в этой оде Ломоносов говорил о войне, обрушивался на Фридриха II и скорбел о тяжелой участи Саксонии под игом пруссаков.

Ломоносов заявлял здесь, что Россия не ищет завоеваний («На что державы ей чужие!»), что цель Елизаветы в войне — «Чтобы род российской и соседы / В глубокой были тишине», что Елизавета Петровна скорбит душой, «Зря бури царством толь опасны» О Фридрихе II говорится:

Присяжны преступив союзы,
Поправши нагло святость прав
Царям наверхнуть тщится узы
Желание чужих держав

³³ Отмечу, что в кругу Готтшеда вообще интересовались вопросами реформ орфографии. О проектах изменения правописаний и алфавитов и в этой связи о профессоре Иог Сигм Поповиче, знакомце и противнике Готтшеда, см.: Lh. W. Danzel Gottsched und seine Zeit Auszüge aus seinem Briefwechsel Leipzig, 1848, стр. 302—303. Около того же времени Готтшед полушутливо писал Штелину в Петербург «Если бы господа русские отменили их удивительные буквы, не являющиеся ни латинскими, ни греческими, то многие здешние люди славянского происхождения легко изучили бы их язык и могли бы перевести с него кое-что. Но так, как они пишут, никто не может разобраться в этом» (K. Stahlin Aus den Papieren Jacob von Stahlins, Königsberg 1/Pf. und Berlin, 1926 стр. 389).